

ряд примеров этого. Так, в главе «Тосно» был выпущен в печатном тексте иронический и резкий отзыв о самодержавной власти; в главе «Новгород» сокращены в печатном тексте замечательные места о подавлении в новгородцах «духа свободы»; резкие выражения пропущены в главах «Крестыцы» и «Хотиллов», есть пропуски, сделанные по таким же соображениям, в главе «Торжок» (насмешливый отзыв о «мудром правителе» — Екатерине). Но этого мало: в новой рукописи нашлись, помимо полного текста оды «Вольность», уже известного, еще новый вариант размышлений Радищева о ней, а главное — произведение в стихах: «Творение мира. Песнословие», т. е. совершенно неизвестный до сего времени радищевский текст. Это произведение интересно и для философских идей Радищева (оно тесно связано с трактатом его «О человеке, о его смертности и бессмертии»), и для литературных исканий (здесь — оригинальная стилистика, образность и метры).

Найденную рукопись В. П. Семенников разработал в печати со свойственной ему тщательностью. Сама рукопись изучена во всех своих особенностях, ее текст сопоставлен во всех вариантах с рукописью цензурной и с первопечатным изданием; ясно и убедительно установлена иерархия редакций «Путешествия», мобилизованы все необходимые литературные и биографические справки. Благодаря всему этому найденный текст получает максимальное освещение.

В одном из примечаний В. П. Семенников заявляет: «Относительно оды «Вольность» мы будем говорить в особой работе, где рассмотрим как вышеприведенные намеки Радищева, так и вообще все обстоятельства, по поводу которых эта ода была написана». Будем ждать этого исследования — и надеяться, что В. П. Семенников результаты своих многолетних drobных и тщательных изысканий сведет в целостную монографию о Радищеве.

Первые две главы рецензируемой книжки (наиболее важные) предварительно напечатаны в журнале «Былое» 1922 (№ 18); но отдельное издание дополнено третьей главой, содержащей обзор рукописи по главам. Н. Пиксанов.

КИРИК ЛЕВИН. А. И. Герцен. — Личность. Идеология. Издание второе. Государственное Издательство. М. 1922. 139 стр.

Вновь напечатанная книга К. Н. Левина о Герцене не является специальной научной монографией. Это — и не биография, по типу книги о Герцене же Ч. Ветринского, и не популярный очерк, как книжка В. Я. Богучарского. Ближе она, пожалуй, к книге Иванова-Разумника («А. И. Герцен». Петроград 1920) — и по использованию некоторых неизданных материалов, и по темам некоторых глав, и по объему. В обеих книжках предлагается общая характеристика личности и воззрений Герцена — на анализе крупных моментов и эпизодов его биографии и идеологии.

Но по точке зрения, подходу, общему пониманию Герцена авторы очень далеки друг от друга. Наоборот, ближе Левин к работам Г. В. Плеханова, которые, почему-то, до сих пор не собраны и не изданы вместе («Герцен и крепостное право» — «Современный Мир» 1911, XI—XII; «Философские взгляды Герцена» — там же, 1912, III—IV; «Герцен эмигрант» — История русской литературы XIX в., под ред. Овсяннико-Куликовского, т. III). Как и Плеханов, К. Н. Левин рассматривает Герцена с марксистской точки зрения, и это сразу отделяет его от старой, традиционно-идеалистической историографии. Как марксист, Левин острее воспринимает черты барственой психологии и идеологии Герцена, свободнее судит об отношениях его к славянофильству и западничеству. И следует сказать, что во многом придется согласиться с Левиным или — серьезно считаться с ним в дальнейших изучениях Герцена. Так, обстоятельно документировав положение, что «в психике Герцена были налицо все элементы аристократизма», Левин психологически-правдиво и логически-стройно связывает с этим аристократизмом моральную доктрину Герцена с его гедонизмом и эгоцентризмом. Отсюда убедительно и правдиво Левин конструирует и роль Герцена в вопросах и делах любви. Третья глава книги, посвященная этой проблеме, принадлежит к лучшим в книге. Кстати

заметить, что за К. Н. Левиным останется заслуга первой публикации в печати некоторых неизданных материалов (главным образом, отрывков из дневников Герцена), проливших новый свет на сердечную историю Герцена. Взвесив все собранные данные и не сходя с установленной точки зрения на герценовскую этику, Левин рисует здесь образ сильного человека, — «язычника», «эллина» и рассказывает душевную драму Герцена, возникшую из его любовных увлечений. Из других глав книги (всех их — десять: 1. Личность; 2. Мораль; 3. Любовь; 4. Философия истории; 5. Педагогические идеи; 6. Политические идеи; 7. Польский вопрос; 8. Славянофильство и западничество; 9. Социализм; 10. Тактика) наиболее значительной следует признать восьмую, — оппозиции Герцена между славянофильством и западничеством. Левин борется с установившимся взглядом, что Герцен — западник. Анализом многочисленных и разновременных заявлений Герцена, сопоставлением их с формулами бесспорных славянофилов и западников, Левин устанавливает выразительные черты славянофильские и националистические у Герцена и заостряет свой вывод в полемической формуле: «Герцен был ярким националистом-славянофилом и давно пора перестать называть его западником».

Очень интересна также реконструкция ненависти Герцена к буржуазии — как в ее политических стремлениях и тактике, так и во всем укладе жизни и психики, — все из тех же основ герценовского аристократизма.

Расходясь во многом с общепринятыми взглядами, чуждый преклонения перед Герценом, Левин нередко полемизирует не только с историками, но и с самим Герценом, вернее — вскрывает противоречия, несогласованности в идеологии, миросозерцании Герцена. Но приятно отметить, что автор широк и терпим в своих суждениях и чуток в восприятии достоинств ума и сердца Герцена. Тепло говорит он и о литературном даровании писателя: «Пусть читатель не сетует на обилие цитат. Едкая сатира, уничтожающие сарказмы, бесподобное остроумие, яркие образы, дивные сравнения, неожиданные антитезы А. И. Герцена

должны сами за себя говорить. Порой передача мыслей величайшего стилиста недопустима, ибо она может убить всю красоту и силу выражения его мысли».

Итак, не претендуя на монографическую специализацию, изучений и определений, К. Н. Левин предлагает свою общую оценку и переоценку Герцена. Книга написана легко и ясно и будет с пользой усвоена начинающим читателем. Но и зрелому человеку, даже специалисту по истории русских общественных движений, небесполезно проследить, вместе с Левиным, крупные моменты и этапы развития идеологии Герцена: автор опирался на непосредственное и добросовестное изучение первоисточника — сочинений, дневников и писем Герцена, независим в своих суждениях и обладает даром характеристики и обобщения.

Второе издание книги появляется после первого (1918) через четыре года. За это время, в несколько приемов, было выпущено монументальное издание сочинений и писем Герцена под редакцией М. К. Лемке. В это издание вошли и те отрывки дневников Герцена, которые некогда обнародовал К. Н. Левин в «Голосе Минувшего», и многое другое, впервые публикуемое. Многие теперь Левин мог бы изложить наново и иначе (напр., главу «Любовь»). Но в основном его книга останется непоколебленной новыми документами.

Н. Пиксанов.

А. С. ПУШКИН. Гавриилиада. Поэма. Редакция, примечания и комментарии Б. Томашевского. Труды Пушкинского Дома. Петербург 1922. 112 стр.

За последние годы «Гавриилиада» имела необычайный успех у читателей и издателей. Одно за другим выходили отдельные издания этой поэмы и все не могли насытить любопытства публики. По правде сказать, было много нездорового в этом любопытстве. Но есть и законный, чисто научный интерес к «Гавриилиаде», — и ему с наибольшей полнотой отвечает издание Б. В. Томашевского. Это целая монография о «Гавриилиаде», и насколько обстоятельств